

76.
Проверено 1961 г.

ПРОВЕР
2000

Проф. В. М. Тордожъ.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія нас. Э. Г. Фалькъ.

1905.

97
684

Устав
суды
в
о
с
е

МАЙ 2008

Печатано по опредѣленію Совѣта Деми-
довскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ Лицея Э. БЕРЕНДТСЪ.

Самостоятельность суда.

„L'indépendance est de l'essence de la justice“.

Высочайшій указъ 12 декабря прошлаго года возвѣщаетъ «усовершенствованіе государственнаго порядка». «Преобразование» лишь намѣчено. «Совершенія» его надо еще ждать. Долго-ли, —зависитъ, конечно, отъ многого, и, прежде всего, отъ тѣхъ «способовъ наиболѣе быстрого и полнаго осуществленія», обсужденіе которыхъ возложено на комитетъ министровъ. Но уже и теперь ясно полное осужденіе того, что перейдетъ, быть можетъ, въ область прошлаго, но пока еще есть настоящее. Осужденъ и ждетъ «назрѣвшей переменны» и нашъ судебный строй.

«Для упроченія правильнаго въ отечествѣ нашемъ хода государственной и общественной жизни» признано «неотложнымъ обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность».

Въ будущемъ, значитъ, надо думать,

наши суды «всѣхъ степеней» явятся во всеоружіи «необходимой самостоятельности».

Но развѣ до сихъ поръ этого качества не было у нихъ? Что же есть наше настоящее? Нужны ли здѣсь «существенныя нововведенія»?

Если наши судебныя установленія не имѣли самостоятельности, слова указа должны быть понимаемы въ самомъ широкомъ смыслѣ: впредь всѣ суды, безъ исключенія, должны обладать ею.

Коль скоро же этого качества не было лишь у нѣкоторыхъ изъ существующихъ органовъ суда, указъ 12 декабря можетъ быть понятъ въ смыслѣ болѣе узкомъ: необходимо лишь сдѣлать общимъ достояніемъ то, что теперь не принадлежитъ еще всѣмъ.

Въ первомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, какимъ именно способомъ должна быть обезпечиваема самостоятельность судьи. Тогда выяснится само собою, подлежитъ-ли перемѣнѣ положеніе судовъ, и нынѣ уже именуемыхъ независимыми.

Во второмъ случаѣ вопросъ о самостоятельности и мѣрахъ къ достиженію ея не будетъ вовсе и поднятъ. Разъ нашему законодательству извѣстно уже понятіе «необходимой самостоятельности» судьи, надо лишь примѣнить это начало тамъ, гдѣ до сихъ поръ оно отсутствовало.

Если, слѣдовательно, окружному суду,

напримѣръ, обезпечена независимость въ необходимой дозѣ, указъ не даетъ основанія считать цитированный пунктъ «предначертаній» относящимся къ данному роду судебныхъ установленій.

Такимъ образомъ, для надлежащаго исполненія Высочайшей воли по намѣченному вопросу надо прежде всего выяснитъ: обезпечена-ли «необходимая самостоятельность», если не веѣмъ судебнымъ установленіямъ Россійской имперіи, то хотя бы нѣкоторымъ изъ нихъ?

Съ увѣренностью въ своей правотѣ можно было бы сказать „да“. Передъ нами актъ, изданный уже сорокъ лѣтъ тому назадъ. Это указъ правительствующему сенату 20 ноября 1864 года. Въ этотъ день обнародованы были „Судебные уставы Императора Александра Второго“. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ, — сказано было при этомъ, — желанію Нашему возвысить судебную власть, дать ей *надлежащую самостоятельность*.

Судебные уставы, — можно было бы аргументировать, — существуютъ и до сихъ поръ; слѣдовательно, живо и теперь начало, ими обезпеченное. И если 12 декабря 1904 года снова говорится о томъ же, нельзя допускать и мысли, чтобы законодатель открывалъ раскрытыя двери. Значитъ, — надо было-бы заключить, — не веѣ еще судебныя установленія признаны самостоятельными. Къ тѣмъ судамъ, которыхъ не косну-

лись блага судебныхъ уставовъ, и относится указъ 12 декабря. Согласно ему и надлежитъ обезпечить *ихъ* самостоятельность такъ же, какъ сдѣлано было уже сорокъ лѣтъ тому назадъ по огншенію къ другимъ.

Въ пользу такого вывода можно было привести и слѣдующее.

Принципъ судейской самостоятельности явился въ нашемъ законодательствѣ, какъ результатъ горькаго предшествовавшаго опыта. Не подражаніе образцамъ внушило составителямъ судебныхъ уставовъ мысль поставить судъ въ независимое положеніе. Довольно было заглянуть въ обстановку дореформеннаго суда «неправды черной», чтобы убѣдиться въ невозможности иного порядка. Желаніе кореннымъ образомъ измѣнить это видно и изъ „разсужденій, на коихъ основаны судебныя уставы“. «Дѣла судебного вѣдомства, — читаемъ здѣсь, — касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоинства; въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей и подсудимыхъ и тяжущихся, лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ. Поэтому судьи должны быть поставлены въ положеніе, *ст. 11.* возможно болѣе независимое».

Эти соображенія о необходимости судейской самостоятельности и привели прежде всего къ *несмѣняемости* су-

дей. Въ ст. 243 учрежденія судебныхъ установлений постановлено: предсѣдатели, товарищи ихъ и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія; удаленію отъ должности они подвергаются не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда.

Такимъ образомъ, и изъ буквального смысла закона и изъ соображеній, имѣвшихся въ виду при его составленіи, выводъ могъ-бы быть таковъ. Русскій судья пользуется самостоятельностью; не проявляя героизма, не впадая въ малодушіе, не допуская угодливости, онъ можетъ сказать всѣмъ и каждому «ты не правъ», если такова правда.

Образъ независимаго судьи сталъ бы еще яснѣе, если вспомнить, что къ той же цѣли направлено было, кромѣ судейской несмѣняемости, и другое, не менѣе важное средство. Судебная функція власти отдѣлена отъ административной: административныя начальства, по основнымъ принципамъ судебныхъ уставовъ, не принимаютъ участія въ направленіи и рѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Но, несмотря на все это, вопросъ о томъ, обезпечена-ли хотя бы нѣкоторымъ изъ существующихъ судебныхъ установлений «необходимая самостоятельность» *нельзя* рѣшить въ смыслѣ *утвердительною*.

Иное заключеніе и логически было-бы неправильно, и противорѣчило-бы исторической правдѣ.

Несогласно съ логикою было-бы дѣлать выводъ по нѣкоторымъ изъ данныхъ, не провѣривъ прочихъ условій. Можно-ли говорить, что судебному установленію обезпечена самостоятельность, на томъ лишь основаніи, что члены суда пользуются несмѣняемостью и не зависятъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ административной власти? Конечно, вѣтъ. Если это и есть средство сдѣлать судью независимымъ, то, разумѣется, лишь при сильномъ желаніи его быть таковымъ. Остается только найти способъ сдѣлать такъ, чтобы судья самъ отказался отъ такого желанія или, по слабости человѣческой, не въ силахъ былъ противустоять предъ соблазнами міра.

А этотъ способъ, оказывается, и былъ установленъ въ то же самое время, когда провозглашена была и самостоятельность судьи.

Такое именно значеніе представляютъ системы назначенія и награжденія судей. Онѣ оказались средствами для того, чтобы обезсилить дѣйствіе тѣхъ данныхъ, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы обезпечивать судѣ самостоятельность.

Что касается *наградъ*, то составители судебныхъ уставовъ обнаружили въ своихъ сужденіяхъ желаніе предупредить

дисциплинарнымъ присутвіемъ правительствующаго сената.

Такимъ образомъ, нашъ судья въ лучшемъ случаѣ пользуется лишь „несмѣняемостью въ административномъ порядкѣ“.

Обезпечиваемая этимъ путемъ самостоятельность представляется еще меньшею, если вспомнить такіе способы устраненія ея.

Судебные слѣдователи, по уставамъ 1864 года, считаются членами окружнаго суда, а, слѣдовательно, должны пользоваться и судейскою несмѣняемостью. Но такихъ слѣдователей у насъ очень и очень мало. За то есть у насъ чиновники министерства юстиціи, „командируемые къ исправленію должности слѣдователя“ и такимъ же путемъ отзываемые изъ командировки: ни съ какими поводами къ смѣщенію ихъ нѣтъ надобности и справляться; не надо доводить дѣла и до дисциплинарнаго присутствія. А вѣдь и такимъ «исправляющимъ должность» ввѣряются тѣ же интересы, для огражденія которыхъ признана, была необходимою судейская несмѣняемость.

Не остался неиспользованнымъ у насъ и слѣдующій приемъ борьбы съ „несмѣняемымъ“ судьей. Если судья оказывался, по взгляду высшей судебной власти, не на мѣстѣ, должность его упразднялась, а судья оставлялся за штатомъ. Но, кажется, это практиковалось лишь до 1885

года. Съ изданіемъ же въ этомъ году названныхъ уже правилъ 20 мая, больше нѣтъ и надобности въ обходныхъ движеніяхъ: довольно и прямого пути—увольненія иля перевода судьи въ порядокъ дисциплинарномъ.

Едва-ли могло не расшатать и безъ того слабыхъ устоевъ судейской независимости усиленное проявленіе «бюрократизаціи» судебного вѣдомства.

Сюда относится прежде всего усиленіе вліянія министра юстиціи на дѣло суда. Законъ 20 мая 1885 года облекъ «главу судебного вѣдомства» цѣлымъ рядомъ «способовъ къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ увлоненій отъ законнаго порядка». Министру юстиціи предоставлено было право дѣлать судьямъ «напоминанія и указанія», привлекать ихъ къ отвѣтственности, требовать объясненій и даже личнаго представленія ихъ. „Независимый“ судья соединенъ былъ съ чиновникомъ, ищущимъ милости «начальства». За послѣднее же время различіе между этими несогласимыми понятіями особенно затушевывалось тѣмъ „распространительнымъ пониманіемъ сущности генерал-прокурорской власти“, которое обнаруживалъ Н. В. Муравьевъ. Этимъ и объясняется единодушіе, — *entente cordiale* — между судебной коллегіей и центральнымъ управленіемъ юстиціи, проявлявшееся по рѣламъ о кишиневскомъ погромѣ, Тальмы, братьевъ Скитскихъ и др.

Превращенъ въ „мѣстное начальство“ и старшій предѣдатель судебной палаты. Для усиленія надзора въ судебномъ вѣдомствѣ, — высказаль по этому поводу Государственный Совѣтъ, — представлялось необходимымъ созданіе на мѣстахъ такой единоличной власти, которая была бы уполномочена прекращать усматриваемые безпорядки и дѣлать всѣмъ *подчиненнымъ* вызываемыя обстоятельства *указанія и напоминанія*. Результатъ такого упрямоченія судебного дѣла картинно изображаетъ І. В. Гесенъ въ своей, недавно выпущенной книгѣ «Судебная реформа». Приемная старшаго предѣдателя—это въ миниатюрѣ министерская приемная; она полна судебныхъ чиновниковъ: одинъ представляется по случаю назначенія, другой благодарить, третій ходатайствуетъ о назначеніи, четвертый просить поддержать представленіе суда; ибо всѣ эти представленія проходятъ черезъ руки старшаго предѣдателя и безъ поклона никому не получить желаемого назначенія (конечно, если не имѣть непосредственной протекціи во всемогущемъ центральномъ управленіи).

При такихъ данныхъ, возможность вліянія начальства на судей слишкомъ очевидна. И это создано специальнымъ закономъ 1885 года. Слѣдовательно, здѣсь ужъ не можетъ быть и мысли о случайномъ недосмотрѣ въ дѣлѣ обезпеченія судейской самостоятельности. «Единоли-

чное начальство», ясно сознаю законодателем, — должно проводить свои взгляды въ дѣло «подчиненныхъ» ему судей. Для этого дано старшему предсѣдателю довольно способствъ въ самомъ законѣ и еще больше дается указаніями министерства юстиціи. Такъ, ему предоставлено принимать самое дѣятельное участіе въ назначеніи судей: онъ можетъ представить и своего кандидата, можетъ обезсилить представленіе суда, приложивъ свое заключеніе.

Такимъ образомъ, «необходимая» самостоятельность судьи и въ томъ даже видѣ, какой имѣла она по первоначальной редакціи судебныхъ уставовъ, оказывается неизмѣримо большею, чѣмъ тоже самое понятіе послѣ исправленій послѣдующаго законодательства. Четырехкратная «давность» существованія судебныхъ уставовъ повела къ уменьшенію и тѣхъ гарантій, какія даны были сорокъ лѣтъ тому назадъ. Давность оказалась погасительною.

Указъ 12 декабря еще разъ, какъ и почти полъ-вѣка назадъ, говоритъ съ полною категоричностью о необходимости самостоятельности суда. Но то, что въ настоящее время носить это громкое названіе, не отвѣчаетъ ему своимъ содержаніемъ. «Предначертанія» не приведутъ къ намѣченному усовершенствованію суда, если прежде всего не будетъ пересмотрѣна мѣра его самостоятель-

ности. И только въ своей естественной чистотѣ она должна быть дана всѣмъ судебнымъ установленіямъ; сюда относятся какъ тѣ изъ нихъ, которыя до сихъ поръ вовсе не признавались заслуживающими самостоятельности, такъ и тѣ, которыя уже разъ получили ее, но... утратили. Нашъ судъ пріобрѣтетъ тогда то качество, въ установленіи и обезпеченіи котораго справедливо видѣли созданіе судебной власти. Считали, что дѣло это исполнено 20-го ноября 1864 года. Но, оказывается, этого нѣтъ, коль скоро нѣтъ и до сихъ поръ не обезпечено должнымъ образомъ самостоятельности суда, которая есть безусловная принадлежность самого понятія «судъ».

Это качество должно быть свойственно «судебнымъ установленіямъ *всѣхъ степеней*». Иначе и быть не можетъ безъ извращенія понятій. Разбирая сталкивающіеся интересы тяжущихся, судъ долженъ имѣть возможность не поддаваться стороннему вліянію, спокойно и безпристрастно «гласить право».

Для выполненія такой роли, судѣ, конечно, надлежитъ обладать необходимымъ цензомъ, и образовательнымъ, и моральнымъ. Лишенный этого не долженъ быть и судьей. Но всякій, кто явится такимъ, долженъ быть обезпеченъ въ возможности исполнить свой долгъ; для этого и нужна самостоятельность для *каждаго* суда.

Если же явится мысль о невозможности обеспечивать ее суду данного рода, какъ не заключающему въ своемъ составѣ лицъ, достойныхъ судейской несмѣняемости, рѣшеніе только одно: надо установить такія условія назначенія судей, при которыхъ правда и законъ нашли бы себѣ вполне осведомленныхъ и достойныхъ своего высокаго дѣла людей. Въ иномъ составѣ не можетъ быть судебныхъ учрежденій. Организациія ихъ и составъ должны быть достойны ихъ полномочій; въ противномъ случаѣ цѣли законности и правды не будутъ обеспечены. Но никакія условія жизни, никакая политика не должны отнимать у суда и судей тѣхъ качествъ, безъ которыхъ права тяжущихся и подсудимыхъ зависѣли бы лишь отъ доброй воли судьи, но не отъ объективныхъ гарантій, зависѣли бы отъ произвола но не обеспечены были бызаконномъ.

Резюмируемъ сказанное. Не была „належащею“ самостоятельность суда и по уставамъ 1864 года. Еще меньше она въ нынѣшнемъ „исправленномъ“ видѣ. Въ силу указа 12 декабря, необходимы здѣсь «существенныя нововведенія». Должны быть уничтожены обходные пути къ этой твердынь законности, устранены утлыя пристройки, благоприятствующія подходнымъ движеніямъ къ ней, углубленъ и укрѣпленъ

самый фундаментъ законности. Только такая независимость суда приведетъ къ цѣли: утвердить „уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе“. Только такую независимость и надо распространить на судебныя установленія *всѣхъ* степеней. Тогда, дѣйствительно, каждый судъ будетъ въ состояніи быть правымъ въ равной мѣрѣ съ другими. А при этомъ лишь условіи и можно достигъ «равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній»: обязанный обращаться къ суду волостному будетъ столь же гарантированъ въ «охраненіи полной силы закона» по отношенію къ себѣ, какъ и тотъ, кто ищетъ правды у суда иного.

Проф. Влад. Гордонь.

00034069

ЮФ СПбГУ